

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Дворец забытых фонарей. Цена обещания

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Дворец забытых фонарей

Алёна Северина

**Дворец забытых
фонарей. Цена обещания**

«Автор»

2026

Северина А.

Дворец забытых фонарей. Цена обещания / А. Северина —
«Автор», 2026 — (Дворец забытых фонарей)

Вере Бережной приходит конверт без обратного адреса, на котором сохранился след необычной печати. Послание ведёт к старому делу и к людям, привыкшим распоряжаться чужими решениями. Сергей Мельник приносит сведения, но не может сразу объяснить их происхождение. Пока Вера добивается проверки документов, ей приходится определить, чем отличается честная помощь от ещё одного обещания, которое связывает человека против его воли.

Алёна Северина

Дворец забытых фонарей. Цена обещания

Глава 1. Наследство или письмо

Письмо пришло в плотном конверте без обратного адреса. Вера нашла его утром между счетом за электричество и рекламой новой пекарни: бумага была пожелтевшей, но не хрупкой, а на клапане темнел круглый след от сургуча. Сургуча не осталось. Только вдавленная печать — фонарь с перекошенной ручкой.

На лицевой стороне аккуратным почерком значилось: «Вере Бережной. Лично».

Она перевернула конверт. Ни подписи, ни даты.

— Откуда ты взялся? — спросила Вера.

Конверт, разумеется, не ответил. В квартире было тихо; за окнами дворник скреб лопатой по плитке, хотя снега не выпало. Вера поставила чайник, надела перчатки и вскрыла бумагу ножом для писем.

Внутри лежал ключ. Обычный, латунный, с короткой бородкой и круглой головкой. Такие подходили к старым шкафчикам, кладовым и некоторым дверям в доме, где Вера жила в детстве. На головке ключа была процарапана цифра семь.

Под ним обнаружился лист, сложенный вчетверо.

«Если вы получили это письмо, значит, я не успел передать вам то, что обещал. Не отдавайте ключ в городской архив. Не потому, что там обязательно лгут. Потому что там умеют заставить правду выглядеть добровольной.

Найдите опись фонарей. Спросите, кому досталась пустая строка.

Я должен был сказать вам раньше. Простите.

С. Бережной».

Вера перечитала подпись. Семен Бережной был её дядей — младшим братом отца, человеком, который появлялся в семье только на похоронах и однажды прислал ей открытку из Владивостока с изображением маяка. Он умер три месяца назад. В завещании его имя не встретилось, как не встречалось оно в разговорах отца последние двадцать лет.

Она подняла ключ за кольцо. Металл оказался холоднее, чем должен был быть в теплой комнате.

В конверте больше ничего не было.

Вера позвонила в архивный отдел мэрии. Там, после трех переводов и двух минут музыки с трескучим пианино, ей сообщили, что описи городских фонарей хранятся в фонде уличного освещения за 1931–1948 годы, а доступ к ним ограничен. Причину ограничения оператор назвать не смогла, зато предложила подать заявление и ждать ответа до десяти рабочих дней.

— А если я уже знаю, что именно ищу? — спросила Вера.

— Тогда тем более подайте заявление.

Она закончила разговор и набрала номер Артёма Мельника.

Он ответил не сразу.

— Я занят, — сказал он вместо приветствия.

— Ты всегда занят, когда я звоню с вопросом, который тебе не понравится.

— Это не так.

— Назови последний раз, когда я звонила тебе с вопросом, который тебе понравился.

В трубке послышался скрип стула.

— Что у тебя?

Вера прочитала письмо вслух, не называя подпись.

— Ты сказала «не отдавайте ключ в городской архив», — произнес Артём, когда она закончила. — И звонишь мне.

— Я решила воспользоваться самым простым источником недоверия.

— А ключ?

— Семёрка на головке. Больше ничего.

— Не трогай его голыми руками.

— Я брала его только в перчатках.

— Вера.

— Артём, если ты собираешься сказать, что это опасно, сначала объясни, почему.

Он помолчал.

— В архиве есть закрытая коллекция городских обещаний. Не официальное название.

Внутри — договоры, письма, протоколы комиссий. Там же проходила опись старых фонарей.

Я могу провести тебя в читальный зал, но не обещаю, что нас пустят к самой коллекции.

— Кто ограничил доступ?

— Не знаю.

— Не верю.

— Тогда не спрашивай меня, если уже решила, что я вру.

Она могла ответить резко. Вместо этого взглянула на подпись на листе. «Я должен был сказать вам раньше». Слова не объясняли, что именно дядя обещал и кому. Но если Вера отложит письмо, он снова исчезнет — теперь уже окончательно, оставив после себя только семейное молчание.

— Я не решила, — сказала она. — Я хочу знать, что ты знаешь.

— В полдень буду у бокового входа. И ключ возьми с собой.

— Ты только что велел его не трогать.

— Я велел не трогать голыми руками.

— Вот теперь звучит как план.

У бокового входа архива пахло мокрым камнем и старой краской. Артём ждал под козырьком, без пальто застегнутого на все пуговицы; воротник его рубашки был влажным от мелкого дождя. Он посмотрел на конверт в руке Веры, но не протянул ладонь.

— Покажи.

Она подала ему письмо. Артём прочел его дважды и задержался взглядом на последней строке.

— «Кому досталась пустая строка», — произнес он. — Такого запроса я не видел.

— А ты искал?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что не видел?

Он вернул лист.

— Потому что я бы запомнил.

Вера сунула письмо обратно в конверт. Ключ оставила в кармане пальто.

— Это откуда? — спросила она.

— Ключи к старым ячейкам с цифрами выдавали зрителям хранилищ. Но семерка ничего не доказывает. В городских зданиях таких замков десятки.

— Значит, сначала опись.

— Сначала регистрация посещения.

Внутри их встретила женщина в сером жакете с бейджем «Лидия Павловна». Она узнала Артёма, но не улыбнулась.

— Вы обещали не приводить посетителей без предварительного согласования.

— Я и не обещал, — сказал он.

— Вы сказали, что больше не будете.

— Это другое.

— Разумеется. У вас всегда всё другое, когда нужно обойти правило.

Лидия Павловна перевела взгляд на Веру.

— Паспорт.

Вера достала документ и положила на стойку.

— Мне нужна опись уличных фонарей за 1931–1948 годы.

Женщина проверила данные, затем набрала что-то на компьютере.

— Доступ закрыт.

— По чьему распоряжению?

— Служебному.

— Кто его подписал?

— Вам не положено знать.

— Я могу подать запрос на ознакомление с основанием ограничения.

— Можете.

— Тогда зарегистрируйте его сейчас.

Лидия Павловна подняла глаза. Артём не вмешался. Его молчание было слишком выверенным: он оставлял Вере пространство, но одновременно позволял ей одной столкнуться с отказом.

— Вы ведь понимаете, — сказала архивистка, — что закрытый фонд не становится открытым оттого, что вы говорите уверенно.

— Я понимаю, что письменный отказ можно обжаловать. А устный — только пересказать.

Лидия Павловна несколько секунд смотрела на нее, затем достала бланк.

Заявление заняло семь минут. Когда Вера поставила подпись, женщина приложила штамп и оторвала корешок.

— Ответ получите по почте.

— Я буду ждать здесь.

— Чего?

— Регистрационного номера. На корешке его нет.

Лидия Павловна поджала губы, но внесла номер в журнал и расписалась рядом. Вера заметила: ее рука дрогнула на последней цифре.

В читальный зал их пропустили по другому основанию: Вера запросила открытую опись ремонта фонарей за 1949 год. Это был компромисс, который Артём заранее назвал бесполезным. Теперь он сидел напротив и молча просматривал карточки, будто не собирался признавать, что сам предложил не тот путь.

Вера нашла упоминание о фонарях на улице Старого Причала. В 1937 году там заменили двенадцать плафонов; в 1941-м числилось одиннадцать. На полях кто-то вписал: «Один передан на временное хранение, без акта». Дальше запись обрывалась. В соседней графе стояла отметка: «Приложение 7».

— Вот твоя семёрка, — сказала Вера.

Артём наклонился к листу.

— Это номер приложения, не ключа.

— Может быть.

— Письмо могло быть подделкой.

— Могло.

— И дядя твой мог просто хотеть, чтобы ты пришла сюда.

— Тогда у него был странный способ попросить об услуге.

Она потянулась за карточкой, но остановилась. На обороте проступали следы от карандаша. Вера подложила чистый лист и боковым светом настольной лампы различила вмятые слова: «не передавать до согласия».

Артём увидел их одновременно с ней.

— Согласия кого? — спросила Вера.

— Не знаю.

— По телефону ты сказал, что коллекция городских обещаний связана с описью фонарей.

А теперь здесь — «не передавать до согласия».

— Я вижу. Но чьего согласия требовали, не знаю.

— А что знаешь, кроме того, что рассказал по телефону?

Артём помедлил.

— Я не знал, что твой дядя связан с этим фондом.

— Я спрашиваю не о дяде.

— Не хочу выдумывать то, чего нет в документах.

Вера не отвела глаз.

— А чего ты не говоришь?

Артём положил карточку на стол. Его пальцы побелели на краю бумаги.

— В прошлом году я подписал допуск к одному закрытому делу. Мне сказали, что согласие семьи уже получено. Я не проверил документ. После этого одна женщина потеряла право оспорить передачу дома в архивный фонд.

— Ты знал, что она не соглашалась?

— Узнал позже.

— И оставил подпись?

— Да.

Он произнес это ровно, не пытаясь смягчить. От этого признание оказалось тяжелее оправдания.

Вера взглянула на письмо. Теперь «правда выглядеть добровольной» звучала не как загадочная угроза, а как точное описание того, что Артём уже однажды позволил сделать.

С края стола раздался короткий звон. Лидия Павловна торопливо подошла к ним; в руке у нее был телефон.

— Простите, — сказала она. — Тут спрашивают вас, Вера Сергеевна.

Она протянула трубку.

Незнакомый мужчина говорил негромко, будто находился в соседней комнате.

— Не ищите пустую строку. Там не пусто. Там имя человека, который первым заплатил за чужое обещание.

— Кто вы?

— Тот, кто должен был вернуть приложение семь.

Связь оборвалась.

Вера медленно положила телефон на стол. Лидия Павловна побледнела. Артём уже поднялся.

— Номер вызова сохранился? — спросила Вера.

— Внутренняя линия, — ответила архивистка. — Его не было.

За окном по мокрой улице прошел автобус, заслонив на миг серый фасад. Когда он уехал, Вера увидела напротив архива старый уличный фонарь. Днем он был выключен, но под стеклом висела черная табличка с цифрой семь.

Она достала ключ из кармана.

— Теперь ты все еще думаешь, что это просто ключ от ячейки?

Артём посмотрел на фонарь.

— Нет. Думаю, кто-то хотел, чтобы мы увидели именно его.

— А я думаю, что до закрытия у нас осталось четыре часа.

Она убрала ключ обратно. Вопрос о согласии женщины, потерявшей дом, больше не был для нее чужой ошибкой из прошлого Артёма. Где-то в архиве лежало имя человека, которого

тоже не спросили. И Вера собиралась выяснить, кто решил, что его молчание можно считать обещанием.

Вера не стала ждать, пока Артём предложит следовать за ней. Она сняла пальто со спинки стула, застегнула верхнюю пуговицу и направилась к выходу. Лидия Павловна осталась у телефона, прижав ладонь к груди.

— Вы не можете уйти через главный вход, — сказала она. — Там уже спрашивали о вас.

— Кто?

— Мужчина в сером плаще. Представился сотрудником муниципальной комиссии. Но удостоверение показал слишком быстро.

Артём остановился у двери.

— Почему вы не вызвали охрану?

— Потому что он назвал фамилию моего отца.

Вера обернулась. В голосе архивистки не было растерянности — только усталость человека, который слишком долго молчал из страха.

— Какую фамилию?

— Соколин. Мой отец был заведующим хозяйственной частью до девяносто восьмого года. Он умер, когда я была девочкой. Я не понимаю, при чем здесь он.

— Вы понимаете больше, чем думаете, — сказала Вера. — Если тот человек назвал его фамилию, значит, он рассчитывает, что вы испугаетесь и не станете задавать вопросов.

Лидия Павловна нервно усмехнулась.

— А если я уже испугалась?

— Тогда испугайтесь правильно. Откройте нам служебный выход и запишите всё, что помните: время, одежду, слова, направление, в котором он ушел. Память не заменяет протокол, но иногда помогает найти его.

Артём бросил на Веру короткий взгляд. Он понял, что она намеренно отдала архивистке работу. Человеку, которого втягивали в дело угрозой, было важно вернуть себе хоть какую-то возможность действовать.

Они вышли в узкий коридор, где пахло пылью, мокрой шерстью и старой краской. В конце стояла металлическая дверь с облупившейся табличкой «Технический двор». Артём отпер ее ключом, который носил на связке с пропуском. За дверью начинался проход между архивом и соседним домом. Дождь почти закончился, но кирпичи блестели, а под ногами хлюпала вода.

— Ты часто пользуешься этим выходом? — спросила Вера.

— Когда не хочу встречаться с людьми у входа.

— Удобно.

— Не всегда. Иногда люди ждут здесь.

— Например?

— Те, кто знает, что я привык уходить от разговора.

Вера посмотрела на него, но ничего не ответила. Перед ними, за решетчатой калиткой, начиналась улица. Фонарь с цифрой семь стоял через дорогу, у самого края тротуара. Он был старше соседних: чугунная стойка покрылась рыжими потеками, в стекле застряли сухие листья.

— Смотри, — сказал Артём.

На основании фонаря, почти у земли, виднелась свежая царапина. Кто-то недавно отодвигал защитную крышку. Под ней находились болты, один из которых отличался от остальных: новый, блестящий, с сорванной гранью.

Артём достал из кармана складной нож.

— Не трогай, — остановила его Вера.

— Я собирался проверить, не заклинило ли.

— Ты собирался оставить на металле свои следы.

Он убрал нож. Вера сфотографировала крышку, царапину и табличку с цифрой семь, затем надела тонкие перчатки, которые всегда держала в сумке рядом с блокнотом. Только после этого достала ключ.

Он вошел в замок не с первого раза. Вера повернула его влево, услышала сухой щелчок, и крышка отступила на несколько миллиметров. Внутри не оказалось проводов. За металлической пластиной скрывалась неглубокая полость, выложенная темной тканью.

В ней лежал небольшой латунный жетон.

На одной стороне был выбит номер 7, на другой — буква «С» и дата: 14 октября 1998 года.

Артём наклонился ближе.

— Складской учет?

— Возможно.

— Или отметка свидетеля.

Вера не взяла жетон. Вместо этого осветила полость телефоном. Под тканью обнаружился прямоугольный выступ. Она осторожно подцепила его пинцетом из набора и вытянула узкий сверток в промасленной бумаге.

На бумаге стояло: «Для того, кто спросит не о владельце, а о согласии».

— Это оставили недавно? — спросил Артём.

— Бумага старая, следы свежего сгиба. Надпись нанесена не одним почерком.

Она развернула сверток. Внутри находился ключ меньшего размера, плоский, с квадратной бородкой, и конверт, потемневший по краям. Адрес был написан чернилами:

«Архив Янтарного Берега. Отдел закрытых поступлений. Лидии Павловне Соколиной. Лично».

Лидия Павловна. Вера представила, как конверт десятилетиями переходил из рук в руки или лежал в тайнике, пока кто-то не решил, что настало время его вернуть.

— Почему письмо спрятали не в архиве? — спросил Артём.

— Потому что тот, кому оно предназначалось, должен был найти его сам.

— Или потому что в архиве его бы изъяли.

Вера подняла глаза.

— Ты говоришь это как человек, который знает.

— Я говорю это как человек, который однажды поверил описи.

Она вскрыла конверт ножом по краю, не разрывая бумагу. Внутри был один лист, сложенный вчетверо. Первые строки заставили ее замедлить движение.

«Отец. Я не отказываюсь от того, что подписал. Я отказываюсь от того, чтобы мое согласие считали согласием других. Ты сказал, что без этой записи город потеряет имена тех, кого укрыли в нижнем хранилище. Но ты внес туда и тех, кто не давал разрешения. Если они узнают, я не буду говорить, что сделал это ради них. Я должен был спросить. Запись и ключ я оставляю там, где ты приказал. До регистрации. Потом верну. Николай».

Вера задержала взгляд на подписи. Ниже, другим почерком, была сделана приписка. Она продолжила читать:

«В октябре 1998 года согласия не было. Было обещание, данное за другого человека. Первым пострадал Николай Соколов, грузчик из портовой конторы. Его имя внесли в приложение семь после того, как он отказался подписывать передачу дома на Кленовой улице. Дом отдали под фонд, а Николая объявили согласившимся, потому что он поставил подпись под распиской за аванс. Он думал, что подтверждает получение денег для ремонта. Через три месяца его выселили. Документы о возражении исчезли из папки».

Артём тихо выдохнул.

— Кленовая улица. Это тот дом?

— Не знаю. Но теперь знаем имя.

Вера дочитала приписку до конца:

«Приложение семь осталось у человека, который обещал вернуть его после регистрации. Не вернул. И сделал так, чтобы ответственность выглядела общей».

За спиной скрипнула калитка.

Артём мгновенно повернулся и заслонил Веру собой. На другом конце прохода стоял мужчина в сером плаще. Лица почти не было видно под поднятым воротником, но в руке он держал папку с гербом муниципалитета.

— Вера Бережная? — спросил он.

— Представьтесь, — ответила она.

Мужчина сделал шаг вперед.

— Вы нашли письмо. Теперь отдайте его.

— На каком основании?

— На основании того, что это имущество архива.

— Тогда назовите регистрационный номер поступления.

Он промолчал.

Артём достал телефон и поднял его так, чтобы камера смотрела на мужчину.

— Вы находитесь на территории учреждения, — сказал он. — Ваше лицо и разговор записываются.

— Ты уже один раз подписал чужую волю, Мельник. Не повторяй ошибку.

С этими словами мужчина развернулся и быстро вышел на улицу. Артём бросился следом, но Вера схватила его за рукав.

— Стой. Он этого и ждет.

— Он уйдет.

— Уже ушел.

За решеткой мелькнул серый плащ. Мужчина сел в темную машину без опознавательных знаков. Номер Вера успела записать, пока автомобиль выезжал на перекресток.

Она снова посмотрела на письмо.

— Теперь у нас есть имя Николая Соколова, адрес дома и человек, который знает о твоей подписи.

— А у Лидии Павловны есть семейная связь с этим делом, — сказал Артём. — Если Соколов — ее отец...

— Нужно спросить ее самой.

Вера спрятала письмо в прозрачный пакет, а ключ и жетон оставила в отдельном конверте. Потом заперла полость фонаря и выпрямилась.

— И нужно выяснить, что открывает этот ключ.

— Я знаю где.

— Откуда?

Артём посмотрел на черную табличку под стеклом.

— В старом каталоге есть шкафы с такими замками. Седьмой ряд, закрытый сектор. Я видел его на плане, когда подписывал тот допуск.

Вера убрала пакет во внутренний карман.

— Тогда сегодня ты не будешь уходить от разговора.

— Сегодня нет.

Они вернулись в архив через служебную дверь. За стеклом приемной Лидия Павловна ждала их, держа в руках лист бумаги. Она подняла голову и сразу поняла по их лицам, что письмо найдено.

— Это о моем отце? — спросила она.

Вера положила конверт на стол, но не раскрыла его перед архивисткой.

— Возможно. Поэтому сначала вы расскажете, что знаете о Николае Соколове и о доме на Кленовой улице.

Лидия Павловна долго смотрела на конверт, затем села.

— Николай был моим старшим братом, — сказала она. — И отец всю жизнь запрещал произносить его имя.

Лидия Павловна положила лист на стол, но пальцы не разжала. Бумага дрожала, и от этого казалось, будто на ней проступают невидимые строки.

— Он был старше меня на семь лет, — продолжила она. — Отец говорил, Николай уехал и не захотел возвращаться. Мать говорила другое: что он пропал из-за архивной работы. Я была маленькая, чтобы понять, в чем разница. Потом мать умерла, а отец запретил задавать вопросы.

— Вы знали, что он работал в городском архиве? — спросила Вера.

— Знала. Но не знала, что в тайном. Отец даже слово «архив» произносил так, будто оно могло его выдать.

Артём остался у двери. Он не вмешивался, но смотрел на Лидию Павловну с тем напряжением, которое Вера уже научилась отличать от недоверия: он ждал, не станет ли чужая история еще одним способом обвинить его.

— Вы можете прочитать письмо, — сказала Вера. — Но сначала решите, хотите ли. Мы не будем делать это за вас.

Лидия Павловна подняла на нее глаза.

— Я всю жизнь не решала. Отец решал, что мне можно знать. Потом архив решал, что можно хранить. Если там его слова, я должна услышать их сама.

Вера вынула письмо из прозрачного пакета и положила перед ней. Не развернула. Лидия провела ладонью над конвертом, остановилась у края, затем осторожно достала сложенный лист.

Бумага была тонкая, пожелтевшая по сгибам. На обороте сохранился бледный штамп без даты. Лидия сперва прочла молча. С губ сорвалось короткое, беззвучное движение, будто она хотела произнести имя, но передумала.

— Прочитайте вслух, — попросил Артём.

Она посмотрела на него.

— Зачем?

— Чтобы мы не додумывали за вас.

Лидия опустила взгляд на письмо.

— «Отец. Я не отказываюсь от того, что подписал. Я отказываюсь от того, чтобы мое согласие считали согласием других. Ты сказал, что без этой записи город потеряет имена тех, кого укрыли в нижнем хранилище. Но ты внес туда и тех, кто не давал разрешения. Если они узнают, я не буду говорить, что сделал это ради них. Я должен был спросить. Запись и ключ я оставляю там, где ты приказал. До регистрации. Потом верну. Николай».

Она замолчала.

В читальном зале гудела лампа. В коридоре прошел кто-то из сотрудников, звякнули ключи, потом шаги удалились. Будничный звук странно резко отделил эту комнату от слов, которые Лидия только что прочитала.

— Он пишет, что подписал? — спросила Вера.

— Да. Но не за всех. — Лидия сгладила сгиб на листе. — Отец всегда говорил, что Николай предал семью. А здесь выходит, он признал собственную ошибку.

— И оставил ключ, — сказал Артём. — Там, где отец приказал.

Вера достала конверт с жетоном, но ключ пока не вынула.

— Письмо не доказывает, что он сделал с записью дальше. Оно доказывает, что согласие было ограниченным, а потом его расширили без разрешения тех, кого оно касалось.

Лидия вновь перечитала последнюю строку.

— «До регистрации». Что именно регистрировали?

— Это выясним в каталоге, — ответила Вера. — Но не сегодня на основании одного письма. Сначала нужно зафиксировать его состояние и происхождение.

— Если он оставил ключ, значит, его забрали.

— Или нашли. Это разные вещи.

Лидия осторожно положила лист на стол.

— Я могу забрать его?

— Пока нет, — сказала Вера. — Он часть дела, а не ваша собственность. Но вы имеете право участвовать в ознакомлении и получить заверенную копию после регистрации. Я внесу это в протокол.

— А если там написано что-то, что ударит по моему отцу?

— Тогда это будет правдой о его поступках, а не о вашей вине.

Лидия отвела взгляд. На миг Вера увидела в ней не архивистку, привыкшую говорить ровно, а дочь, которая слишком поздно получила право спросить.

Артём подошел к столу.

— Седьмой ряд, закрытый сектор. Замки там старые, с узкой бородкой. Ключ похож на тот, что лежал в фонаре.

— Похож или подходит? — уточнила Вера.

— Я не проверял. Тогда мне показали только план. Я подписал допуск, не увидев содержимого шкафа.

— А мужчина в плаще знал о письме.

— И о моей подписи, — сказал Артём. — Значит, кто-то видел старую регистрационную карточку или копию допуска.

Лидия подняла голову.

— Кто имел доступ к таким документам?

— Не будем сейчас называть имена по памяти, — сказала Вера. — Составим перечень по журналу выдачи. Если кто-то пользовался карточкой, там останется след.

— А если журнал пропал?

— Тогда установим, когда его видели последний раз и кто отвечал за хранение.

Вера придвинула к себе бланк служебного инцидента. В графе «обнаруженные материалы» она записала письмо, ключ, жетон и место находки, не приписывая им значения, которого документы еще не подтверждали. Артём назвал время появления мужчины и описал его папку. Лидия добавила, что герб на ней был старого образца: с узким ободком и без новой отметки управления.

Она говорила уверенно, но каждый раз, когда доходила до слов «мой отец», делала паузу.

Когда протокол был готов, Вера развернула конверт с ключом. Металл оказался теплее бумаги от долгого хранения в кармане. На кольце виднелась крошечная насечка, такая же, как на черной табличке фонаря.

— Жетон пока не трогаем, — сказала она. — Ключ сверим с реестром замков. Если он подходит к шкафу, открывать будем комиссионно и при фиксации каждого действия.

— Я пойду с вами, — сказала Лидия.

— Вы вправе попросить об этом. Но если шкаф относится к закрытому сектору, сначала проверим ваши полномочия.

Лидия кивнула, не споря.

Артём посмотрел на Веру:

— А я?

— Ты будешь рядом, если согласишься назвать все обстоятельства того допуска. Не только те, за которые тебе стыдно.

Он чуть заметно сжал челюсть.

— Согласен.

Это не было прощением. Вера и не предлагала его. Но впервые за вечер Артём перестал смотреть на дверь, будто готовился убежать.

Она убрала письмо в пакет, запечатала его и поставила на пломбе подпись. Лидия следила за ее рукой.

— Значит, мой брат не просто исчез, — сказала она.

— Пока мы знаем, что он оставил свидетельство, — ответила Вера. — И что его слова пытались забрать раньше, чем мы успели их зарегистрировать.

Снаружи по стеклу приемной скользнул свет фар. Вера подняла глаза, но за окном проехал обычный городской автобус. Она отметила номер маршрута машинально, как отмечала все, что могло пригодиться, и снова посмотрела на закрытую папку.

На этот раз в ней лежало не обещание вернуть утраченное, а доказательство того, что кто-то однажды согласился отвечать только за собственный выбор.

Артём первым заметил, что автобус уехал, а свет в окне напротив не погас.

— Там кто-то стоит, — сказал он.

Вера не обернулась сразу. Она закрыла папку, проверила пломбу и только потом подошла к стеклу. На другой стороне улицы, в витрине давно закрытой мастерской, отражалась приемная. За отражением темнела фигура у двери — слишком неподвижная для прохожего, который просто пережидает дождь.

— Не выходи, — сказала Лидия.

— Я и не собиралась.

Вера взяла со стола служебный бланк и подошла к телефону. Попросила дежурного у входа проверить улицу, не привлекая внимания. Назвала адрес мастерской и описала человека, не упомянув ни письма, ни ключа. Артём молча стоял рядом, но теперь смотрел не на дверь, а на окно.

— Если это тот мужчина, он мог видеть, куда мы убрали конверт, — сказала Лидия.

— Конверт запечатан, материалы в учете, — ответила Вера. — Это не делает нас неуязвимыми, но меняет цену его следующего шага.

Дежурный перезвонил через четыре минуты. У мастерской никого не было. На мокром тротуаре оставались следы, ведущие к переулку; там начиналась ремонтируемая улица, перекрытая ограждением. Человек мог уйти дворами или свернуть к набережной.

Вера записала время звонка и имя дежурного. Затем позвонила в архивный отдел и попросила подготовить реестр замков закрытого сектора и журнал выдачи карточек за последние два месяца. Ответившая сотрудница сказала, что журнал на месте, но для доступа потребуется распоряжение начальника смены.

— Получим распоряжение, — сказала Вера. — Сейчас никто не будет открывать шкаф без него.

— А если за это время письмо исчезнет? — спросила Лидия.

— Тогда у нас останется запись, что оно было принято, опечатано и передано под ответственность. Пропажа станет отдельным нарушением, а не поводом переписать первое.

Лидия опустила взгляд. Несколько секунд она теребила край рукава, потом остановилась.

— Брат работал в архиве недолго. Отец устроил его туда через знакомого, но Илья ушел после ссоры. Я думала, из-за денег. Он ничего мне не объяснил.

— Вы знали о письме? — спросил Артём.

— Нет. Если бы знала, не ждала бы столько лет.

Вера не стала отвечать за нее. Слова Лидии могли быть правдой; могли — способом защититься от того, чего она сама еще не понимала. Ни одно из этих предположений пока не годилось для протокола.

— Расскажите, когда вы последний раз говорили с братом.

Лидия поморщилась, словно вопрос оказался болезненнее, чем ожидалось.

— В конце ноября. Он позвонил поздно вечером и спросил, знаю ли я, где отец хранит старые бумаги. Я сказала, что не знаю. Это была правда. Потом он спросил, верю ли я, что обещание можно отменить, если оно подвергает кого-то опасности.

— Что вы ответили?

— Что обещания не отменяют только потому, что стало неудобно. — Она резко подняла голову. — Я не знала, о чем он говорит. Он попросился и больше не звонил.

Артём отвернулся к окну. Вера заметила это движение, но не стала вытягивать из него признание при Лидии. Она внесла в протокол дату звонка и смысл вопроса, отдельно отметив, что источник — устное сообщение сестры.

— Почему вы раньше не рассказали? — спросила она.

— Потому что искала брата, а не его документы. И потому что отец сказал, что Илья уехал сам. У него всегда было убедительное объяснение.

— Вы ему верили?

Лидия долго молчала.

— Хотела верить.

Дверь приемной открылась. Дежурный вернулся один, без найденного человека. С собой он принес лист с номером распоряжения: начальник смены подтвердил доступ к реестрам, но потребовал, чтобы проверку проводили вдвоем и все изъятия фиксировали отдельно. Вера поблагодарила его, внесла распоряжение в журнал и только после этого начала собирать материалы.

Артём предложил остаться с Лидией, пока Вера сходит в архивный отдел.

— Нет, — сказала она. — Мы пойдем вместе. Но ты не будешь говорить за нее и не будешь прикасаться к шкафу.

— Понял.

— И еще: когда будем сверять твой допуск, ты расскажешь, кто дал тебе документ и что именно ты проверил перед подписью.

Он выдержал ее взгляд.

— Расскажу.

Лидия поднялась, но не потянулась к конверту.

— Я все еще хочу знать, что с Ильей.

— Тогда сейчас важнее всего не потерять ни одного следа, — сказала Вера. — Даже если он окажется неприятным для вашей семьи.

Они вышли из приемной в короткий коридор. За стеклянной дверью улица блестела после дождя; на перекрестке рабочие уже снимали ограждение, и открывавшийся проезд вел к старому архивному корпусу. Вера задержалась у порога, проверяя, что папка с письмом заперта в металлическом ящике и ключ от ящика остался у нее.

Артём стоял рядом, не предлагая помощь и не торопя ее.

— Я подписал допуск, не увидев содержимого шкафа, — повторил он тихо, словно проверяя, не изменились ли слова за последний час.

— Это уже записано, — сказала Вера. — Теперь установим, кто воспользовался твоей подписью и что из-за этого пропало.

Он кивнул. В этот раз его взгляд не скользнул к выходу.

Улица встретила их запахом мокрого камня и свежей краски. Они пошли к архиву, держась на расстоянии друг от друга, но в одном темпе. У поворота Лидия остановилась и посмотрела назад, на приемную.

— Если он оставил письмо мне, значит, он хотел, чтобы я узнала правду.

— Возможно, — сказала Вера. — Но сначала выясним, что именно он оставил. Письмо говорит за себя; мы не будем добавлять ему слов.

Лидия кивнула и пошла дальше. За перекрестком над архивным корпусом темнели узкие окна, а у входа уже ждал сотрудник с журналом выдачи. Вера назвала свое имя, номер распоряжения и цель проверки. Сотрудник сверил данные и распахнул дверь.

Первым в журнале оказался не шкаф, а фамилия, которую Лидия узнала сразу. Она побледнела, но не отступила.

Лидия побледнела, но не отступила.

— Павел Сергеевич, — произнесла она. — Мой отец.

Вера не стала спрашивать, уверена ли Лидия. Она придвинула журнал к себе, но страницы не коснулась: сперва положила рядом чистый лист и отметила время проверки. Потом прочитала запись вслух, чтобы каждый слышал одно и то же:

— «Павел Сергеевич Корнеев. Выдача: дело временного хранения, пакет семнадцать-Б. Основание: распоряжение о сохранности городского имущества». Подпись здесь.

Лидия смотрела на буквы, будто пыталась узнать в них руку отца.

— Он умер восемь лет назад.

— Тогда запись могла быть внесена позднее, — сказал Артём. — По его распоряжению или от имени учреждения.

Сотрудник у двери поправил очки.

— Это книга выдачи за прошлый год. Запись сделана четырнадцатого октября.

— Кто внес? — спросила Вера.

— Дежурный архивист. Он сейчас на выезде, но я могу вызвать его по служебной линии.

— Вызовите. И принесите форму регистрации выдачи. Оригиналы пока не трогаем.

Сотрудник ушел в соседний кабинет. Лидия все еще стояла неподвижно. Вера знала такой взгляд: человек держится за простое объяснение, потому что следующее потребует пере-собрать не один год жизни.

— Вы говорили, отец объяснил, что Илья уехал сам, — сказала она. — Он называл дату?

— Конец сентября. Сказал, Илья оставил вещи и попросил никого не искать.

— А письмо?

— Я получила его через несколько месяцев. Отец сказал, что нашел в ящике стола. Там было всего две строки: «Не жди меня. Я выбрал сам». Я тогда не узнала почерк.

— Вы сохранили конверт?

— Нет. Отец велел сжечь. Я сожгла.

Лидия произнесла это тихо, но без попытки оправдаться. Артём отвел глаза. Вера не прикоснулась к ее плечу: сочувствие не давало права решать за другого, какой жест тот должен принять.

— Вы сделали то, что считали правильным, зная только то, что вам сообщили, — сказала она. — Сейчас у нас есть запись. Она не доказывает, что именно отец сделал с делом, но связывает его имя с выдачей.

— И с Ильей? — спросила Лидия.

— Пока — только через ваше письмо и его слова. Разделим то, что знаем, и то, что предполагаем.

Дежурный вернулся с тонкой папкой и телефоном в руке.

— Архивист отвечает. Он помнит выдачу, но говорит, что пакет не покидал корпуса.

Вера подняла глаза.

— В записи указано, что он получил его?

— Подпись стоит. Но архивист утверждает: Корнеев пришел не за пакетом. Он принес подтверждение передачи в другое хранилище и потребовал отметить, что дело уже вывезено.

— Кто подтвердил передачу?

— Он не помнит. Говорит, тогда начальник отдела принимал документы без второго свидетеля.

— Соедините нас.

Сотрудник включил громкую связь. Голос архивиста шел с треском, но слова были различимы.

— Я видел Павла Корнеева, — сказал тот. — Он принес лист с печатью и ссылаясь на распоряжение. В журнале я отметил выдачу, потому что иначе не закрывалась карточка. Пакета мне не предъявили, и я его не выносил.

— Вы проверили распоряжение? — спросила Вера.

— Нет. В тот день было много перемещений. Мне сказали, все согласовано сверху.

— Кто сказал?

Пауза затянулась.

— Начальник фонда. Он уже умер.

— А копия листа с печатью осталась?

— Должна быть в папке к карточке. Но там не оригинал. Я вложил копию, которую принес Корнеев.

Вера записала имя начальника фонда, дату и номер дела. Потом попросила архивиста не предпринимать никаких действий с карточкой до официального осмотра. Он согласился и отключился.

Артём наклонился к журналу, не касаясь его.

— Значит, запись о выдаче — ложная.

— Пока мы знаем, что пакет не выдавали из этого корпуса, — поправила Вера. — Запись могла закрыть перемещение, которого не было. Нам нужна копия распоряжения и сама карточка.

Дежурный нашел папку по номеру. Внутри лежала выцветшая копия листа с печатью управления городских фондов. Вера проверила реквизиты, затем заметила: подпись Корнеева была выполнена той же рукой, что и отметка о выдаче. Наклон, соединение букв, даже маленький разрыв в фамилии совпадали.

— Это не его подпись, — сказала Лидия. — Я видела документы отца. Он писал иначе.

— Вы готовы дать письменное объяснение? — спросила Вера.

Лидия сглотнула.

— Да. Но не сейчас. Сначала хочу увидеть карточку.

Вера кивнула и внесла ее требование в протокол. Это было не разрешение на весь архив и не согласие на опрос. Только конкретный запрос, который Лидия сделала сама.

Когда дежурный ушел за карточкой, Артём остался у стола.

— Я подпишу объяснение о допуске сегодня, — сказал он. — Укажу, что содержимого шкафа не видел и что распорядился открыть его по просьбе начальника смены.

— Укажешь также, кто передал документ, на основании которого тебя допустили.

— Да.

Вера посмотрела на него. Он не просил ее смягчить формулировки и не торопился добавлять оправдания. Но одна честная фраза не возвращала пропавшее дело и не отменяла последствий его подписи.

— Пиши отдельно. Не под мою диктовку.

— Понял.

Дежурный вернулся с карточкой, запечатанной в прозрачную папку. Вера сверила номер, внесла состояние упаковки в протокол и только затем попросила показать вложения через пленку. Между двумя листами виднелась квитанция с отметкой о принятии пакета семнадцать-Б в неуказанное хранилище. В графе получателя стояли инициалы и фамилия: «И. Корнеев».

Лидия схватилась за край стола, но на этот раз удержалась на ногах.

— Илья был там?

— Документ говорит, что кто-то расписался его именем, — сказала Вера. — Мы не станем выдавать это за доказательство, пока не проверим подпись и саму квитанцию.

— Но его имя здесь.

— Да. И теперь мы знаем, что ваше письмо могло быть составлено не им.

Лидия закрыла глаза. Когда открыла, в них не стало спокойнее, зато появился выбор.

— Запишите, что я не узнаю его подпись. И что хочу получить копию квитанции.

Вера внесла ее слова в протокол и прочитала запись вслух. Лидия подтвердила каждую фразу.

Они вышли из архивного кабинета с заверенной копией распоряжения и номером карточки, не забирая оригиналы. За стеклянной дверью дождь уже прекратился. Лидия остановилась у ступеней, сжимая в руке копию так осторожно, словно бумага могла порваться от слишком сильного ответа.

— Я больше не буду сжигать то, чего не прочитала, — сказала она.

Вера поправила ремень сумки с запертой папкой.

— Тогда следующим шагом будет проверка квитанции. Не обещание, что там найдется Илья. Только проверка.

— Этого достаточно.

Артём шел за ними на полшага позади. У перекрестка он не предложил проводить Веру и не попросил поговорить. Она обернулась сама.

— Объяснение принесешь в канцелярию. С номером допуска и фамилией того, кто его выдал.

— Принесу.

Лидия убрала копию во внутренний карман и направилась к остановке. Вера проводила ее взглядом, затем посмотрела на Артёма.

— Теперь твоя подпись тоже часть дела.

— Знаю.

Он сказал это без просьбы о прощении. Вера не ответила, что простит его, и не сказала, что не простит. Между ними оставался путь до канцелярии, несколько необходимых вопросов и правда, которую нельзя было заменить ни доверием, ни его отсутствием.

Глава 2. Правило, которого не было

Канцелярия открывалась в девять, но Вера пришла раньше. На двери еще висела табличка «Прием с девяти», а за мутным стеклом уже двигались тени: кто-то включил свет в дальнем коридоре и прошел к архивному окну.

Она остановилась у стены, не снимая перчаток. В сумке лежала папка Лидии с копией квитанции и записью о передаче старого письма. Оригиналы остались у хозяйки — это было условием Веры, и Лидия согласилась не сразу. До сих пор Вера помнила, как та держала ладонь на конверте, будто решение отдать его в работу могло повторить прежнюю ошибку.

Артём пришел без десяти девять. В одной руке у него была тонкая папка, в другой — два стакана кофе. Один он поставил на подоконник, не протягивая Вере.

— Я не знаю, пьешь ли ты сейчас, — сказал он.

— Не знаю и я.

Он кивнул, словно это был точный ответ, и раскрыл свою папку. Внутри лежали три листа, каждый в отдельном прозрачном файле. На верхнем Вера увидела заголовок: «Журнал временного доступа. Подвальное хранилище, корпус Б».

— Это и есть независимое свидетельство? — спросила она.

— Одно из них. Журнал я нашел вчера в комнате учета. Он не относится к делу Лидии напрямую, но показывает, что в хранилище кто-то работал с карточками раньше официальной выдачи.

— А твое имя там есть?

— Есть.

Артём не отвел взгляда. Вера вынула из сумки блокнот.

— Тогда начнем с твоего имени. Дата, время, цель доступа.

Он пролистал листы и подал ей копию, оставив оригинал в файле.

— Восемнадцатое ноября. Без четверти семь вечера. Я заходил проверить вентиляцию: в тот день поступила жалоба на сырость.

— Кто выдал ключ?

— Дежурный по корпусу. В журнале его подпись неразборчива.

— Ты проверял?

— Нет.

Вера посмотрела на него поверх листа.

— Вчера ты сказал, что объяснение принесешь с фамилией того, кто выдал допуск.

— Я выяснил, кто стоял в графике. Заверенная копия со мной. Но она не доказывает, что именно этот человек выдал мне ключ.

— Значит, назначенного дежурного проверить можем. А кто выдал допуск — пока не установлено.

— Да.

В этом «да» не было ни защиты, ни торопливой попытки сделать признание полезнее, чем оно было. Вера записала дату и пометила рядом: «Кто выдал ключ — проверить».

— Почему ты не пришел раньше?

— Потому что сначала хотел понять, не выдам ли чужое имя по памяти. Дежурных тогда было двое. Я позвонил в отдел кадров, запросил график.

— И?

— Сейчас он у меня в конверте.

Он достал сложенный лист, но Вера не взяла его сразу.

— Покажи, откуда копия.

— Из отдела кадров. Я попросил заверить.

На листе стоял штамп канцелярии, дата вчерашнего дня и подпись сотрудницы, которую Вера знала по прежним запросам. В смене значился Павел Нестеров. Вера внесла фамилию в блокнот, затем вернулась к журналу.

Запись Артёма была сделана синими чернилами. Через две строки стояла другая отметка, уже черной ручкой: «Перенос карточек фонда 14/Б. Основание — устное распоряжение». Время — восемнадцать двадцать.

— Что такое четырнадцать дробь Б? — спросила Вера.

— Номер коробки или внутренней подборки. Я не знаю.

— А «перенос» куда?

— В журнале этого нет.

— Кто внес запись?

В графе подписи стояли инициалы: «Н. Л.». Ниже кто-то приписал карандашом цифру, похожую на семерку.

Вера положила рядом копию квитанции Лидии. В ней значилось: «Документы приняты на временное хранение», дата — двадцать первое ноября. Печать была смазана, но номер карточки читался: 14/Б.

Она медленно провела ногтем под датой.

— Запись в журнале на три дня раньше квитанции.

— Да.

— Но это не доказывает, что перенесли именно бумаги Ильи.

— Не доказывает.

— И не доказывает, что перенос был незаконным.

— Пока нет.

Вера подняла глаза. В коридоре за стеклом появилась сотрудница с охапкой папок. Увидев их, она замедлила шаг, но не остановилась.

— Ты знал, что номер совпадает? — спросила Вера.

— До этого утра — нет.

— Почему принес именно журнал?

— Потому что увидел номер в твоей копии и вспомнил запись. Я мог бы промолчать: она показывает, что я был в здании в тот вечер.

— Ты понимаешь, что теперь я должна проверить и тебя?

— Понимаю.

Дверь канцелярии открылась. Сотрудница — Марина Павловна, заведующая приемом — посмотрела сначала на папку Артёма, потом на Веру.

— Вы по записи?

— По запросу о доступе к фонду четырнадцать дробь Б, — сказала Вера. — И о регистрации карточки двадцать первого ноября.

Марина Павловна не пригласила их внутрь сразу.

— Такой запрос подается письменно.

— Подам. Мне нужно знать, кому адресовать копию: архивному отделу или службе учета.

— Службе учета.

Она произнесла это слишком быстро. Вера уловила не тревогу, а привычку закрывать разговор установленной формулировкой.

— В журнале есть запись о переносе карточки восемнадцатого ноября, — сказала Вера. — Квитанция зарегистрирована двадцать первого. Мы хотим сверить основания.

Марина Павловна взглянула на копию, которую Вера держала в руке. На мгновение ее пальцы сжались на дверной ручке.

— Внутренний журнал не выдается посетителям.

— Я и не прошу его выдавать. Прошу подтвердить запись и указать ответственное лицо.

— Тогда оставляйте запрос.

— Оставим. Но мне понадобится и график доступа.

— Это отдельная процедура.

— Хорошо. Отдельно.

Артём стоял молча. Вера заметила, что он не пытается вмешаться, хотя фамилия Нестерова уже могла стать для него способом объяснить собственный вход в хранилище.

Она заполнила два бланка. В первом указала номера карточек и даты, во втором — просьбу сохранить журнал доступа до окончания проверки. Марина Павловна приняла бумаги, проставила входящий номер и вернула один экземпляр.

— Ответ будет в установленный срок, — сказала она.

— Журнал останется на месте?

— Разумеется.

Вера не стала уточнять, как будет обеспечена сохранность документа, который заведующая приемом только что назвала внутренним. Она записала номер входящего и отошла от окна.

Артём дождался, пока дверь за ними закроется.

— Ты думаешь, она знает, кто перенес карточку?

— Я думаю, что она поняла, о какой записи речь.

— Это не одно и то же.

— Именно.

Они вышли на улицу. Сырой ветер тянул с набережной, подхватывая обрывки афиш у остановки. Вера убрала квитанцию в папку и застегнула сумку.

— Свидетель нужен не из канцелярии, — сказала она. — Кто видел перенос или принимал коробку.

— В журнале есть только подпись дежурного.

— Нестеров.

— Я могу найти его.

— Найти — не значит заранее решить, что он видел.

Артём остановился у ступеней.

— Он работал со мной в ту смену. После увольнения уехал из города, но иногда приезжает к сестре. Я могу узнать адрес.

— Узнай, не связываясь с ним от моего имени. Я сама поговорю.

— Хорошо.

Он не спросил, доверяет ли она ему. Вера не предложила ответ, который еще не был заслужен. Она достала телефон и открыла контакт Лидии.

— Позвоню ей. Спрошу, кому она передавала письмо до регистрации.

— Думаешь, это тот же перенос?

— Не знаю. Но теперь у нас есть совпадение номера и три дня, которые кто-то должен объяснить.

На экране появилось сообщение. Лидия написала коротко: «Вспомнила имя. Не уверена, но кажется, квитанцию мне принесла женщина из архива. У нее был ожог на запястье».

Вера перечитала фразу, затем показала Артёму.

Он побледнел не сразу — сперва только отвел глаза к мокрым ступеням.

— Марина Павловна? — спросила Вера.

— Нет. У нее нет ожога.

— Тогда кого ты узнал?

Артём взял телефон, но не коснулся экрана.

— Нину Лазареву. В журнале ее инициалы.

Вера убрала телефон. Совпадение уже перестало быть просто отметкой в старой книге. Оно вело к человеку, которого Артём знал, и к его собственному допуску в хранилище.

— По инициалам ты ее не узнал? — спросила Вера.

— Я не связал инициалы с ней. Мы не работали вместе. Она была в соседнем отделе.

— А ожог?

— Видел один раз. Давно.

— Насколько давно?

Артём посмотрел на нее.

— В тот вечер, когда я заходил в хранилище.

Теперь у него появилась причина вспомнить больше, чем он хотел. Вера закрыла папку и убрала ее в сумку.

— Тогда мы проверим и это. Но сначала поговорим с Нестеровым.

— Он может отказаться.

— Это его право.

Артём опустил взгляд на свои руки.

— А если он подтвердит, что коробку вынесли без согласия Лидии?

— Тогда будем разбираться, кто распорядился и что именно было вынесено. Не станем заранее объявлять это спасением или преступлением.

Он кивнул. На этот раз — не как человек, согласившийся с формулировкой, а как человек, которому она не понравилась и который все же понимал ее необходимость.

Вера позвонила Лидии. Та ответила после второго гудка.

— Я вспомнила еще кое-что, — сказала Вера. — Возможно, квитанцию принесла сотрудница архива по фамилии Лазарева. Вам это имя знакомо?

На другом конце стало тихо.

— Да, — наконец произнесла Лидия. — Она приходила ко мне до регистрации. Сказала, что если я не подпишу бумагу о временном хранении, документы могут уничтожить при проверке помещения.

— Она объяснила, кто принял такое решение?

— Нет. Я спросила, могу ли забрать письмо. Она сказала, что пока нельзя.

Вера посмотрела на Артёма. Он не двигался.

— Вы подписали согласие на хранение?

— Подписала квитанцию. Но не согласие на перенос. Я думала, это одно и то же.

— Вы сохранили свой экземпляр?

— Да. Там есть обратная сторона, которую я раньше не читала. Я пришлю вам копию.

— Не отправляйте пока. Я приеду и сверю с оригиналом.

— Вера... Если меня тогда заставили согласиться, значит, я сама отдала письмо?

Вера не стала отвечать сразу. За спиной Артёма по улице проехал автобус, оставив на асфальте широкую полосу воды.

— Нет, — сказала она. — Подпись показывает, что вы подписали бумагу. Она не отвечает за то, что вам сказали перед этим и что именно вы разрешили.

Лидия выдохнула, но облегчения в этом звуке не было.

— Хорошо. Я буду дома.

Вера завершила звонок и некоторое время смотрела на темное стекло телефона. Вера ещё раз сравнила листы. Совпадал только номер фонда. Даты различались, а инициалы значились лишь в журнале. Из этих бумаг нельзя было заключить, что речь идёт об одном и том же согласии. На другом возникло слово «согласие», которое в квитанции могло означать совсем не то, что человек перед подписью думал услышать.

— Тебе придется рассказать все, что ты помнишь о том вечере, — сказала она Артёму. — Не только то, что подтверждает журнал.

— Расскажу.

— Даже если это выставит тебя виноватым?

Он встретил ее взгляд.

— Особенно тогда.

Вера направилась к остановке. Теперь ей нужно было увидеть оборот квитанции Лидии, найти Нестерову и выяснить, кто имел право отдавать распоряжения, не оставляя их в журнале. Артём пошел рядом, но не приблизился.

В кармане сумки лежала копия с номером 14/Б, а в канцелярии оставался запрос, который уже нельзя было забрать без следа.

Лидия жила на улице Кленовой, в доме с облупившейся голубой дверью и двумя одинаковыми подъездами. Вера едва не вошла не туда: табличка с номером висела на одном гвозде и повернулась к стене.

— Здесь всегда так, — сказала Лидия, открывая. — Номер то ли отваливается, то ли его кто-то поворачивает. Я три раза заказывала новый.

В прихожей пахло влажной шерстью и яблочной кожурой. На вешалке висело пальто, под ним стояли две пары обуви — аккуратные, вычищенные, будто хозяйка собиралась выйти, но передумала. Лидия пропустила Веру первой, Артёму уступила место у двери.

— Я не звала его, — сказала она.

— Он пришел со мной, — ответила Вера. — Если вам неудобно, он подождет на лестнице.

Артём уже снял перчатки.

— Подожду.

Он действительно вышел. Дверь закрылась, но не до конца — замок зацепился за ответную планку и оставил узкую щель. Лидия посмотрела на эту щель, потом на Веру.

— Пусть остается. Я больше не хочу, чтобы за закрытой дверью решали, что мне можно знать.

Вера ничего не сказала. Они прошли в комнату, где на столе были разложены счета, лекарства и старая шкатулка из светлого дерева. Лидия достала из нее прозрачный файл.

— Оригинал здесь. Копию я сделала после вашего звонка, но сначала думала, что смотреть там нечего.

Квитанция оказалась тонкой, сероватой, с напечатанным номером 14/Б. На лицевой стороне стояли дата, фамилия Лидии и перечень: «письмо, один лист; конверт; металлический предмет неустановленного назначения». Последняя строка была вписана от руки.

Вера наклонилась к бумаге.

— Это вы писали?

— Нет. Я тогда еще не знала, что за предмет лежит в конверте. Его вписали при мне.

— Кто?

— Лазарева. Или... нет. Писала другая женщина. Лазарева только держала папку.

— Вы помните ее?

— Молодая, короткая стрижка. Сначала я решила, что это стажерка. На бейдже было «Р. Нестерова».

Вера подняла взгляд.

— Нестерова?

— Да. Почему?

— Я спутала. Нам называли Павла Нестерова, дежурного, а я почему-то уже собиралась искать женщину. О Р. Нестеровой вы говорите первой.

Лидия провела пальцем по краю файла.

— Она не была похожа на человека, который принимает решения. Всё время молчала. Только один раз сказала: «Не ставьте подпись на обороте, если не согласны». А Лазарева тут же попросила ее выйти.

Вера перевернула квитанцию. На обороте действительно имелся текст, набранный мелким шрифтом: «Подписанием подтверждаю передачу перечисленных единиц на временное хранение сроком до...»

После слова «до» оставалось пустое место. Ни даты, ни подписи архивариуса. Ниже шла строка: «С условиями хранения ознакомлена».

Под ней стояла подпись Лидии.

— Вот здесь я не понимаю, — сказала Лидия. — Мне сказали, что это подтверждение того, что письмо не будут трогать до окончания проверки. А получается, я согласилась передать его?

— Вы подтвердили передачу перечисленных единиц на хранение. Но срок не указан, ответственное лицо не указано, а условия вам, судя по всему, объяснили иначе.

— Значит, документ всё-таки против меня.

— Нет. Он показывает, что документ составлен так, чтобы разные люди могли прочитать его по-разному.

Вера достала телефон и сфотографировала обе стороны, затем положила его рядом с квитанцией.

— Мне нужно уточнить еще одну вещь. Металлический предмет. Что с ним стало?

Лидия нахмурилась.

— Он был в конверте. Маленький ключ, вроде от старого шкафа. Я спросила, зачем его забирают вместе с письмом. Лазарева сказала, что это часть комплекта. Но в описи он сначала не значился.

— Сначала?

— Нестерова вписала его уже после того, как я отказалась отдавать письмо без расписки. Я тогда не поняла, почему она так на меня посмотрела.

— Ключ у вас есть?

Лидия открыла шкатулку. Внутри, между мотком синей нитки и сломанной заколкой, лежал обычный латунный ключ. Круглая головка, короткая борода, темная царапина вдоль стержня. Он выглядел так, будто десятилетиями провалялся в ящике с пуговицами.

— Его вернули вместе с копией письма, — сказала Лидия. — Я не придавала значения.

Вера надела перчатки и подняла ключ за край.

— Почему вы не говорили о нем раньше?

— Потому что мне казалось, что вы спрашиваете о письме. И потому что я устала угадывать, какая мелочь окажется важнее меня.

Из прихожей донесся голос Артёма:

— Вера.

Не громко, но так, что она сразу поняла: он обращается не к ней одной. Дверь приоткрылась шире. На лестничной площадке стояла невысокая женщина в коричневом плаще. В руке она держала сложенный зонт.

— Это Нестерова, — сказала Лидия.

Женщина побледнела, увидев квитанцию на столе.

— Я не знала, что вы придете.

— А кто знал? — спросила Вера.

— Никто. Я живу в соседнем доме. Увидела Мельника у подъезда.

Артём не стал оправдываться.

— Я стоял у двери, пока Вера разговаривала с Лидией.

— Мне нужно было передать ей это, — Нестерова протянула Вере конверт. — Но я не решалась идти в архив.

На конверте не было печати, только выцветшая синяя линия. Внутри лежала копия листа из журнала посещений. Вера пробежала глазами по строкам и остановилась.

Дата, указанная на квитанции Лидии, приходилась на четверг. В журнале напротив номера 14/Б стояла пятница. В графе «получатель» значилось: «А. Мельник, по распоряжению Лазаревой». Рядом имелась подпись Артёма.

— Ты забрал коробку на следующий день, — сказала Вера.

— Да.

Лидия резко встала.

— Вы сказали, что не трогали ее без моего согласия.

— Я сказал, что не выносил ее из фонда в тот вечер. Это было на следующий день.

— Но вы знали, что я отказалась?

— Знал.

Тишина стала тесной. За окном по Кленовой проехал грузовик, шины прошли по лужам с тяжелым шорохом.

Вера посмотрела на подпись.

— Что означает «по распоряжению Лазаревой»?

— Она предъявила служебную записку. Сказала, что материалы должны быть перемещены в закрытое хранилище до проверки. Я не видел распоряжения руководителя.

— И всё равно подписал получение.

— Да.

— Почему?

Артём выдержал ее взгляд.

— Потому что думал, что если откажусь, коробку заберет кто-то другой и она исчезнет без следа.

Лидия сжала пальцы на спинке стула.

— Вы использовали мое согласие, которого не было.

— Я использовал вашу квитанцию как основание, хотя знал, что она не означает согласия на вынос. Это было неправильно.

Вера взяла у Нестеровой второй лист. На нем стояла резолюция: «Перенос временный. Уведомление владельца — после завершения сверки». Подпись Лазаревой была настоящей, но дата проставлена позже: чернила темнели иначе, а цифра в числе была исправлена поверх первоначальной.

— Где оригинал этой записки? — спросила Вера.

— У Лазаревой, — ответила Нестерова. — Но есть еще один человек, который видел, что происходило.

— Кто?

— Дежурный у служебного входа. Павел Серов. Он не сотрудник архива, работает в соседнем учреждении, но в тот день принимал корреспонденцию. Он видел, как Лазарева принесла коробку обратно вечером.

Вера почувствовала, как внутри выстраивается новая последовательность: Лидия подписала квитанцию утром; Артём получил коробку по спорной записке на следующий день; затем кто-то вернул ее в архив, не отметив возврат. Но между этими событиями оставалась ночь — и исчезнувший лист из описи.

Артём достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо документ.

— Это мое независимое свидетельство, — сказал он. — Серов написал объяснение еще тогда, но я забрал его себе и не передал в канцелярию.

Вера не взяла бумагу сразу.

— Почему?

— Потому что там указано: коробку я вынес не один. Со мной была Лазарева. Я боялся, что это станет доказательством моего участия в подмене.

— А стало бы доказательством того, что ты скрыл важного свидетеля.

— Знаю.

Она забрала лист. Внизу стояла дата на два дня раньше той, что значилась в журнале.

Теперь риск Артёма был не только служебным: если документ подтвердится, его подпись окажется частью намеренно измененной цепочки хранения, а молчание — самостоятельным нарушением. Вера аккуратно вернула ключ в шкатулку и закрыла крышку.

— Мы идем к Серову сегодня, — сказала она. — Все вместе. И больше никто не оставляет свидетельства у себя в кармане.

Нестерова кивнула, Лидия побледнела, а Артём молча положил на стол свой пропуск, словно заранее соглашаясь с тем, что после этой встречи его уже не вернут.

Павел Серов работал в здании бывшей городской типографии, где теперь размещались сразу три учреждения: отдел регистрации имущества, архив районной поликлиники и контора, принимавшая корреспонденцию для тех, кто не успевал получить письма по адресу. Служебный вход выходил в узкий проезд между кирпичной стеной и аптекой. Там всегда пахло мокрым картоном, угольной пылью и горьким кофе из автомата.

Перед выходом Вера забрала со стола пропуск Артёма. Они вышли из квартиры вчетвером. Лидия закрыла дверь на ключ и пошла рядом с Верой, прижимая к боку сумку с копиями, а Артём держался позади. Бумажный прямоугольник в руке Веры казался слишком маленьким для той перемены, которую он означал.

На улице уже темнело. Янтарный Берег медленно зажигал окна: сначала верхние этажи, потом вывески, потом редкие фонари над перекрестками. Один из них мигнул, погас и снова загорелся с запозданием, будто вспомнил о своей обязанности.

— Ты можешь идти домой, — сказала Вера Артёму, когда они свернули на улицу Мельничную. — Свидетельство уже у меня.

— Могу.

— Но не пойдешь.

— Нет.

— Почему?

Артём посмотрел на мокрый асфальт.

— Потому что если я уйду сейчас, это будет похоже на очередную попытку переждать последствия.

— А если останешься?

— Тогда придется отвечать на вопросы.

— Не «придется». Ты сам решил.

Он кивнул.

— Сам.

Лидия услышала их и обернулась.

— Я тоже решила сама, — сказала она. — Только не надо больше говорить за меня, будто я согласилась на что-то, чего не понимала.

Артём остановился.

— Не буду.

— Вы уже сказали это один раз, — ответила Лидия. — Теперь это не обещание, а условие.

Вера заметила, как он сжал челюсть. Он не стал защищаться, и от этого разговор не стал легче. Лидия отвернулась первой. Ей, очевидно, было важнее дойти до Серова, чем получить еще одно признание вины.

У служебного входа горела лампа под металлическим козырьком. Дверь была приоткрыта. За ней виднелся стол с журналом, термос и табличка: «Прием документов до 19:00». Часы на стене показывали без десяти семь.

За столом сидел невысокий мужчина в синем жилете. Он листал газету, но поднял голову сразу, как только они вошли.

— Павел Серов? — спросила Вера.

— Да.

Она показала удостоверение и представила остальных. На Артёме Серов задержал взгляд дольше, чем на других.

— А вы Мельник?

— Да.

— Тогда я вас помню.

В комнате стало теснее, хотя никто не двинулся.

— Нам нужно объяснение, которое вы написали два дня раньше записи в журнале, — сказала Вера. — О выносе коробки из городского архива и ее возвращении.

Серов аккуратно сложил газету.

— Я писал его не для вас.

— Для кого?

— Для себя. Потом хотел отнести Лазаревой, но она сказала, что разберется сама.

— Почему не отнесли в канцелярию?

Он посмотрел на Артёма.

— Потому что господин Мельник попросил не поднимать шум.

Артём не отвел взгляда.

— Я попросил сохранить бумагу до выяснения.

— Нет, — сказал Серов. — Вы сказали: «Если это попадет наверх, коробку вообще признают утраченной, а нас всех сделают виноватыми». Это не то же самое.

Лидия резко вдохнула. Вера почувствовала, как рядом напряглась ее рука, но Лидия не коснулась сумки.

— Вы уверены в формулировке? — спросила Вера.

— Я не записываю разговоры. Но смысл помню. В тот день было около половины восьмого вечера. Смену принимал я, хотя формально уже закончил работу. Лазарева принесла коробку через этот вход.

— Она была одна?

— Нет. С ней был Мельник.

Артём молчал.

— Кто нес коробку? — спросила Вера.

— Мельник. Лазарева открывала дверь своим ключом.

— Коробка была запечатана?

— Старая бечевка, бумажная пломба. На пломбе я заметил пятно, будто ее отрывали и приклеивали обратно.

Вера достала из папки копию квитанции.

— Вы видели эту коробку утром?

— Утром я видел только, как ее привезли. Она стояла у стены до обеда. Потом пришел ваш сотрудник, — Серов кивнул на Артёма, — и показал записку.

— Записку Лазаревой?

— Похожую. Я не читал полностью. Там было написано, что материалы временно передают на сверку.

Нестерова подалась вперед.

— А в объяснении вы указали, что Лазарева принесла коробку обратно в тот же день?

— Да. Но дату поставил не ту, которая была в журнале.

— Почему?

Серов достал из ящика связку ключей, перебрал ее и вынул маленькую картонную карточку. На обороте виднелась выцветшая печать типографии.

— В журнале сначала была запись о возврате. Потом Лазарева попросила меня зачеркнуть ее и вписать дату на два дня позже. Сказала, что так удобнее для учета.

— А вы согласились? — спросила Вера.

— Да.

— Почему?

Серов потер ладонью подбородок.

— Потому что она сказала, что иначе из-за одной коробки начнется проверка всего входа. У меня тогда сын после операции лежал, я подрабатывал здесь без оформления. Я не хотел лишиться места.

— То есть вы тоже приняли чужое решение за свое? — спросила Лидия.

Серов помрачнел.

— Я поставил свою подпись. Никто мою руку не держал.

Эти слова повисли между ними тяжелее, чем признание. Вера посмотрела на Лидию. Та стояла неподвижно, но лицо ее изменилось: в нем появилась не только обида, но и понимание того, как легко обещание безопасности превращается в давление.

— Где оригинал вашего объяснения? — спросила Вера.

Серов не ответил сразу.

— У меня его нет.

— Вы сказали, что сохранили его.

— Сохранил копию. Оригинал отдал Мельнику.

— У меня копия, — сказал Артём. — Я не говорил, что это оригинал.

— Нет, — возразил Серов. — Я отдал вам лист с подписью. Копию оставил себе.

Вера достала документ и развернула его на столе. Она увидела, что внизу, под подписью Серова, имелась тонкая полоса от отрыва. Лист был вырван из блокнота, но верхний край сохранил след металлической скобы.

— У вас есть копия? — спросила Вера.

— Дома. В ящике стола.

— Мы можем ее получить сегодня?

Серов посмотрел на часы.

— Можете. Но сначала должны сказать, что со мной будет.

— Я не могу обещать вам освобождение от ответственности, — ответила Вера. — Вы изменили запись и скрыли объяснение. Это будет отражено в материалах.

— А если я отдам копию?

— Она тоже будет отражена. Но вместе с обстоятельствами, в которых вы это сделали.

— Значит, все равно накажут.

— Возможно.

Серов усмехнулся без веселья.

— Вы хотя бы не обещаете обратного.

— Я не имею права.

Лидия медленно поставила сумку на стул.

— А если бы вы имели? — спросила она Веру. — Если бы от вашего обещания зависело, подпишет человек или нет?

Вера встретила ее взгляд.

— Тогда я бы сказала правду о цене подписи. И оставила бы решение ему.

Артём тихо произнес:

— Я этого не сделал.

— Нет, — сказала Лидия. — Ты решил, что твой страх важнее моего выбора.

Нестерова подошла к столу и открыла папку.

— Павел Андреевич, напишите сейчас новое объяснение. Не переписывайте старое и не исправляйте его. Укажите, кто просил изменить журнал, когда именно это произошло и что вы видели собственными глазами. Отдельно запишите, чего вы не знаете.

Серов взглянул на Веру.

— А копию я принесу завтра?

— Сегодня. Мы подождем.

Он тяжело вздохнул, достал чистый лист и сел. Ручка несколько секунд не двигалась. Потом Серов написал дату, остановился и зачеркнул ее.

— Не знаете? — спросила Вера.

— Не знаю, какая была настоящей. Журнал у Лазаревой.

— Так и напишите.

Он кивнул.

Пока Серов писал, Артём отошел к стене. Вера подошла к нему, оставив между ними расстояние.

— Ты слышал, что он сказал. Почему в твоём свидетельстве нет просьбы изменить журнал?

— Потому что я не знал о журнале.

— Но ты знал, что Лазарева была с тобой.

— Да.

— И что коробку возвращали вечером.

— Да.

— Почему в своем объяснении ты написал только о себе?

Артём провел пальцем по краю пропуска, лежавшего у Веры в ладони.

— Потому что надеялся, что если признаю свою часть, остальные детали можно будет объяснить ошибкой учета.

— Это не ответ.

— Это и есть ответ. Я пытался ограничить ущерб. Считал, что имею право решать, какую правду можно отложить ради общей безопасности.

— А теперь?

Он посмотрел на Лидию, затем на Серова, который выводил неровные строки.

— Теперь вижу, что «общая безопасность» была названием для моего страха.

Вера не стала смягчать услышанное. За окном просигналил автобус, и желтый свет фар на мгновение прошел по стене, по стеклу, по его лицу.

Серов закончил писать и поставил подпись. Затем достал из кармана ключи.

— Мой дом через два двора. Я принесу копию.

— Мы пойдем с вами, — сказала Вера.

— Все?

— Все, кто здесь был.

Серов посмотрел на Артёма.

— И он тоже?

— Если он сам согласен.

Артём поднял глаза.

— Согласен.

На этот раз Лидия ничего не сказала. Она взяла сумку, а Нестерова аккуратно убрала новое объяснение в прозрачный файл. Вера положила пропуск Артёма рядом с документом Серова: один предмет обозначал полномочия, которых теперь не было, другой — свидетельство, которое слишком долго оставалось в чужом кармане.

Они вышли в проезд. Дождь снова начался — мелкий, почти невидимый, но вскоре на темных плитах проступили блестящие следы. Серов запер служебную дверь и повел их к дому, где хранилась копия объяснения, способная подтвердить измененную цепочку хранения и показать, кто первым попросил сделать вид, будто правила не существовало.

Серов жил в старом доме на Липовой, где подъезды соединялись узкими галереями, а лестницы пахли мокрой штукатуркой и углем. Он поднялся на второй этаж, долго возился с замком, потом отступил, пропуская Веру вперед.

— Вы всегда так встречаете гостей? — спросила Лидия, глядя на три разные защелки.

— Гости — нет. Проверяющих — да.

— Мы не проверяющие, — заметил Артём.

Серов повернул к нему голову.

— Вы сегодня кем угодно можете оказаться. Я пока не решил.

Дверь открылась. Внутри было тесно, но чисто: узкий коридор, кухня с маленьким окном во двор, два стеллажа, заставленных папками и книгами. На холодильнике магнитом держался старый автобусный билет. Вера увидела на нем дату — восемь лет назад — и почему-то запомнила ее.

Серов снял мокрую куртку, повесил на крючок.

— Копия в комнате. Я ее не трогал с тех пор, как нашел.

— Где она была? — спросила Вера.

— В старой бухгалтерской книге. Между страницами с расходами за ноябрь.

— Почему не в архиве?

— Потому что это не архивная копия.

Он прошел в комнату и выдвинул нижний ящик письменного стола. Внутри, под пачкой квитанций, лежала толстая книга в серой обложке. Серов раскрыл ее на середине и достал сложенный вчетверо лист.

Бумага пожелтела по краям, но текст оставался разборчивым. Вера взяла лист за угол, не касаясь строк.

— Это машинописная копия?

— Да. Сделанная на копировальной машинке. Тогда у нас другой не было.

— Сверка с оригиналом проводилась?

Серов ответил не сразу.

— Проводилась. При мне.

— Кем?

— Лазаревой.

Лидия резко подняла голову.

Серов положил ладонь на раскрытую книгу.

— Она принесла журнал и эту копию. Сказала, что нужно подтвердить выдачу коробки под временный допуск. Я спросил, почему в журнале стоит другая дата. Она сказала, что это техническая ошибка и исправление внесут позже.

— Какая дата стояла в журнале? — спросила Вера.

— Двенадцатое октября.

— А на копии?

— Четырнадцатое.

Артём шагнул ближе.

— Коробку забрали двенадцатого.

— Я не говорил, что забрали, — отрезал Серов. — Я сказал, что мне велели подтвердить выдачу четырнадцатым.

— Вы видели коробку двенадцатого?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

Серов сжал губы.

— Потому что в тот вечер я закрывал помещение. Илья пришел после смены, спорил с Лазаревой. Они стояли у служебной двери. Я слышал, как он сказал: «Вы обещали, что это останется внутри». Потом ушел.

Лидия побледнела.

— Илья был там?

— Был.

— Один?

Серов перевел взгляд на нее.

— Нет. С ним пришла женщина.

— Какая?

— Молодая. В темном пальто. Лица я не разглядел.

— Это была я, — сказала Лидия.

Слова прозвучали глухо. Она опустилась на край стула, стоявшего у стены.

— Я приходила к Илье. Но в архив не заходила. Он сказал, что встретит меня снаружи.

— Я видел вас обоих, — произнес Серов. — Вы ждали у ворот. Потом Илья вышел один.

— С коробкой?

— Без коробки.

Вера снова посмотрела на лист.

— Кто составил эту копию?

— Лазарева.

— А подпись?

— Моя.

— Вы подписали, не проверив дату?

— Я проверил текст. Дата была уже напечатана.

— И согласились подтвердить то, чего не видели.

Серов отвел глаза.

— Да.

Тишина в комнате стала плотнее дождя за окном. Артём стоял у книжного шкафа, не вмешиваясь. Вера заметила, как он стиснул пальцы, когда услышал имя Ильи.

— У вас есть что-то еще? — спросила она.

— Есть.

Серов вынул из книги второй лист — узкий, почти прозрачный, с рваными краями.

— Это не часть объяснения. Просто запись, которую я сделал для себя.

— Почему не показали ее раньше?

— Потому что боялся.

На листе были две строки, написанные карандашом:

«12 октября, 19:40 — Лазарева просила Мельника открыть боковой вход. Сказала, что действует по устному разрешению».

Ниже стояла дата, поставленная позже: «16 октября».

Вера подняла глаза.

— Почему вы записали это не сразу?

— Сначала думал, что ошибся. Потом понял, что время запомнил точно: в половине восьмого я звонил дочери, она ждала меня у врача. Телефон сохранил вызов.

— А Артём действительно открывал вход?

Все посмотрели на него.

Артём медленно кивнул.

— Да.

— По чьей просьбе?

— По просьбе Лазаревой.

— Она сказала, что действует с разрешения?

— Сказала, что иначе нельзя.

— Чьего разрешения?

— Не назвала.

Вера почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение — не от самого признания, а от его запоздалости.

— Ты понимал, что устное разрешение ничего не подтверждает?

— Понимал.

— И все равно открыл.

— Да.

Лидия резко встала.

— Значит, ты впустил ее?

— Я открыл дверь. Лазарева вошла одна.

— А коробка?

— Я ее не видел.

— Но ты знал, что она собирается делать.

Артём посмотрел на нее прямо.

— Знал, что она хочет забрать материалы.

— И позволил?

— Я думал, что материалы возвращают.

— Ты думал или тебе это сказали?

Он ответил не сразу.

— Мне сказали, что внутри документы, которые нельзя оставлять в общем хранилище. Что если их увидят раньше времени, пострадают люди.

— И ты решил поверить?

— Да.

— Почему?

Артём взглянул на Веру.

— Потому что в тот день получил письмо.

Он достал из внутреннего кармана плоский конверт. Не тот, что приходил Вере: этот был меньше, серый, с заломом на клапане. На нем не было имени, только номер бокового входа и дата — 12.10.

— Я принес его утром, — сказал он. — Но не показал.

Вера протянула руку.

— Почему?

— Потому что там моя подпись.

Он передал конверт. Внутри лежал лист с коротким текстом: «Откройте боковой вход в 19:30. Ответственность за сохранность материалов берет на себя А. Мельник». Подпись была действительно его — неровная, торопливая, с длинным хвостом у последней буквы.

— Ты подписал это сам?

— Да.

— Кто принес письмо?

— Лазарева.

— При свидетелях?

— Нет.

Серов резко выдохнул.

— Она говорила, что это распоряжение сверху.

— А ты не спросил, где регистрационный номер? — Вера не отрывала взгляда от Артёма.

— Спросил.

— И?

— Она сказала, что номер внесут после возвращения коробки.

Вера положила лист рядом с копией объяснения. Две даты, две подписи, одно отсутствие номера. На первый взгляд — обычная канцелярская небрежность. На деле — готовая дорожка, по которой ответственность можно было провести от Лазаревой к Артёму, а затем растворить в общей путанице.

— Вот почему журнал изменили, — сказала она. — Если оставить двенадцатое октября, твоя записка связывает тебя с открытием входа. Если поставить четырнадцатое, ты оказываешься человеком, который заранее оформил то, чего еще не происходило.

— Я не оформлял выдачу, — ответил Артём.

— Но подписал ответственность.

— За сохранность. Не за содержание.

— В таких делах разницу устанавливает не тот, кто подписывает.

Он кивнул, не защищаясь.

Лидия смотрела на конверт так, будто узнала в нем не бумагу, а причину собственного молчания.

— Илья говорил, что все будет исправлено, — сказала она. — Что Лазарева обещала вернуть документы и убрать его имя.

— Какое имя? — спросила Вера.

— Его имя стояло в списке допуска. Он боялся, что его обвинят в краже.

— А что он видел?

Лидия закрыла глаза.

— Он видел не коробку. Он видел письмо.

— Какое?

— Старое письмо из архива. Он сказал, что там упоминалась наша семья. Что Лазарева искала его не из-за документов, а из-за фамилии.

В комнате стало тихо. Артём поднял голову.

— Бережная?

Лидия посмотрела на Веру.

— Да. Там была фамилия Бережных.

Вера не почувствовала ни внезапного холода, ни предчувствия. Только усталое, ясное понимание: дело, которое начиналось с измененного журнала, уже касалось ее не как сотрудника и не как человека, которому принесли чужую просьбу.

Серов осторожно забрал карандашную записку и положил ее в прозрачный файл.

— Телефонный вызов я могу показать. Он сохранился в распечатке.

— Покажете, — сказала Вера. — И копию письма тоже передадите официально.

— А если после этого меня уволят?

— Тогда в деле останется факт, что вы подтвердили ложную дату и объяснили, почему. Это не отменит нарушения, но не даст сделать из вас единственного виновного.

Серов посмотрел на нее с тревогой.

— А Мельник?

Вера перевела взгляд на Артёма. Он стоял у стола, рядом с собственной подписью.

— Он сам передаст письмо и напишет новое объяснение. Без попытки ограничить ущерб. Артём кивнул.

— Напишу.

— Сегодня.

— Сегодня.

За стеной у соседей зазвонил телефон. Кто-то поднял трубку, сказал несколько слов и сразу положил ее обратно. Вера собрала документы в папку, оставив письмо Артёма сверху.

Теперь у них было независимое свидетельство, подтвержденное временем телефонного вызова, признание о боковом входе и документ, который превращал устную просьбу Лазаревой в цепочку личной ответственности. Но вместе с этим выяснилось и другое: старое письмо связывало архивную историю с семьей Веры, а значит, следующий вопрос придется задавать не только тем, кто менял журналы, но и тем, кто годами скрывал происхождение этой бумаги.

Артём задержался у двери, пока остальные спускались по лестнице.

— Вера.

Она обернулась.

— Что?

— Я не знал о твоей фамилии в письме.

— Теперь знаешь.

— Если хочешь, я отойду от дела.

Вера посмотрела на его мокрые волосы, на серый конверт в прозрачном файле и на подпись, которую он наконец перестал прятать.

— Отойти можно от разговора. От фактов — нет.

— Понял.

— Тогда сегодня напишешь объяснение, а завтра принесешь. И расскажешь все, что услышал от Лазаревой в тот вечер.

— Все расскажу.

Она первой открыла дверь на улицу. Дождь стал холоднее, но уже не скрывал следов на плитках, и Вера знала: с этого момента любое молчание в деле будет иметь не только цену, но и имя.

Глава 3. Цена первой ошибки

Утром Вера пришла в канцелярию с папкой под мышкой и увидела Артёма у окна. Он стоял спиной к стеклу, за которым Янтарный Берег медленно выбирался из ночного дождя. По тротуару текли узкие ручьи, в них плавали жёлтые листья и обрывки объявлений. На подоконнике лежал серый конверт, рядом — старая жестяная коробка из-под леденцов.

— Это что? — спросила Вера, снимая пальто.

— Объяснение. И то, что нашлось у меня дома.

— У тебя дома не архивное хранилище.

— Теперь я это понимаю.

Он подвинул к ней коробку. Крышка была вмята с одного края, на синей эмали темнела царапина. Внутри лежали три ржавые булавки, пуговица и небольшой латунный ключ.

Вера не притронулась к ключу.

— Он от боковой двери?

— Нет. От ящика в старом читальном зале. По крайней мере, так сказала Лазарева.

— А ты проверял?

— Вчера вечером. Замок подходит.

— К какому ящику?

— К номеру семь.

Вера посмотрела на него поверх папки.

— И ты решил рассказать об этом после того, как проверил один?

— Я решил не делать вид, что знаю больше, чем знаю. В объяснении всё записано.

Он протянул ей четыре листа. Бумага была обычной, канцелярской, но подпись внизу каждой страницы стояла его — резкая, с длинным росчерком, который почти перечёркивал фамилию.

Вера села за стол и начала читать.

Артём написал, что в день передачи письма Лазарева позвонила ему около семи вечера. Сказала, что за ней следят, а в доме у Ильи могут искать документы. Попросила провести его через боковой вход и вынести папку, не занося операцию в журнал до утра. Обещала, что утром сама придёт и объяснит причину. Он согласился, потому что знал: Лазарева уже несколько недель пыталась найти сведения о пропавшем брате и боялась, что официальное обращение приведёт к уничтожению записей.

Вера перечитала последнюю фразу.

— Это ты знал в тот вечер?

— Про брата — да. Про уничтожение записей — нет. Это она сказала.

— А про слежку?

— Тоже с её слов.

— Видел кого-нибудь у её дома?

— Нет.

— Слышал угрозы?

— Нет.

— Проверял, действительно ли Илья пропал?

— Проверял только по открытому реестру. Там ничего.

Вера положила листы на стол.

— Значит, твоя первая версия держится на том, что Лазарева сказала, будто действовала ради безопасности.

— Да.

— А ты сделал её согласие основанием для своего решения, не проверив, что именно она разрешила.

Артём не отвёл взгляда.

— Я думал, что использую её просьбу, чтобы не допустить худшего.

— Ты использовал её просьбу так, как было удобно тебе.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то засмеялся, закашлялся и прошёл дальше, не заглянув в комнату. Вера услышала, как на улице грузовик проехал по лужам, и на несколько секунд всё вокруг заполнил шорох воды.

Артём коснулся коробки.

— Лазарева отдала это мне вчера вечером. Сказала, что ключ нашли среди вещей Ильи. Она уверена, что он открывает ящик, где лежит настоящая запись о его деле.

— А ты уверен?

— Я уверен только в том, что замок подходит.

— Это уже больше, чем было вчера. Но недостаточно, чтобы превращать догадку в доказательство.

Она взяла ключ двумя пальцами. Металл оказался тёплым — видимо, Артём долго держал его в руке. На бородке виднелась тонкая белая полоска, будто ключ недавно пытались подточить.

В этот момент в дверях появилась архивистка Мария Климова, заведующая регистрационным окном. Она держала под мышкой журнал в зелёном холщовом переплёте.

— Бережная, зайдите в комнату выдачи, — сказала она. — Там нашли дополнительный лист к реестру за девяносто восьмой год.

Вера убрала ключ в прозрачный пакет.

— Кто нашёл лист?

— Я сама нашла. Он был подклеен к обороту обложки.

Мария положила журнал на стол, раскрыла его и осторожно развернула пожелтевший лист. От старой бумаги пахло пылью и чем-то сладковатым, как от засохшего клея.

В графе «выдача» стояли дата, номер дела и фамилия получателя.

«Бережная Е. П.».

Вера почувствовала, как пальцы сами сжались в кулак.

— Елена Павловна, — тихо сказала она.

Её мать.

В строке назначения значилось: «для ознакомления с материалами по запросу Лазаревой Л. И.». Ниже была подпись регистратора и отметка о возврате через три дня. Возврат подтверждён печатью. Документ выглядел настоящим: бумага совпадала с другими листами, чернила выцвели одинаково, номер дела вписывался в последовательность.

— Моя мать брала дело Лазаревой? — спросила Вера.

— Судя по записи.

— В каком году?

— В девяносто восьмом.

— Лазарева тогда уже обращалась в архив?

Мария кивнула.

— За четыре месяца до выдачи. Вот копия её заявления.

Она вынула из папки второй лист. Заявление было коротким: просьба предоставить сведения о человеке, исчезнувшем во время реконструкции портовой линии. Внизу стояла подпись Лидии Ильиничны. Рядом — резолюция Елены Бережной: «Предоставить доступ к материалам в пределах действующего регламента».

Вера долго смотрела на эту строчку. Мать никогда не говорила о Лазаревой. Не говорила о портовой линии. Не говорила, что работала с делами тайного архива.

— Почему этого нет в общем реестре? — спросил Артём.

Мария провела пальцем по краю страницы.

— Потому что лист изъяли из дела. Но забыли убрать след в журнале.

— Кто мог изъять?

— Здесь не написано.

— Зато написано, кто получил доступ, — сказала Вера.

Она услышала собственный голос и поняла, что злится не на Артёма. Это было хуже. Злость, которую можно направить на человека, проще той, что годами лежит внутри семьи и не имеет адресата.

Мария поставила рядом копирку.

— Есть ещё одна отметка. В журнале возврат стоит за подписью Елены Павловны, но номер печати не совпадает с тем, которым пользовались в тот месяц.

Артём наклонился к листу.

— Значит, возврат подделали?

— Не обязательно. Печать могли заменить.

— Тогда первая версия тоже не выдерживает, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё.

— Какая именно?

— Что Лазарева потеряла документы из-за тайного человека, который действовал один.

Моя мать уже была внутри этой истории. И, возможно, знала, почему дело исчезло.

Вера вынула телефон, сфотографировала обе страницы и вернула Марии журнал.

— Оригинал останется здесь?

— Пока да.

— Тогда оформите акт обнаружения и укажите, что доступ к журналу получила я.

Сегодня.

Мария кивнула, но прежде чем закрыть папку, спросила:

— Вам сообщить Елене Павловне?

Вера подняла глаза.

— Нет. Я сообщу сама.

Артём молчал. На его лице не было ни попытки утешить, ни привычного желания немедленно искать выход. Это почему-то оказалось важнее любых слов.

Вера собрала документы и убрала копии во внутренний карман сумки.

— Теперь мы знаем, что подпись Лазаревой на старом обращении настоящая, — сказала она. — И что моя мать действительно получила доступ к делу. Это подтверждено документами.

— Но не знаем, что она сделала потом.

— Не знаем.

— Я могу пойти с тобой.

Вера застегнула сумку.

— Можешь. Но не вместо меня и не потому, что решил, будто мне станет легче.

— Я не решил.

— Хорошо.

Она взяла пакет с ключом. Латунь блеснула под серым утренним светом, совершенно обычная вещь, которую можно было потерять в ящике стола и не вспомнить о ней годами.

— Сначала я поговорю с матерью, — сказала Вера. — Потом мы откроем ящик номер семь. И если Лазарева снова дала нам только половину правды, на этот раз её согласие не станет разрешением действовать вслепую.

Артём поднялся.

— Я покажу тебе, где он находится.

— Покажешь. Но открывать будем только после записи в журнале.

Он кивнул.

Когда они вышли на улицу, дождь закончился, и над крышами проступил бледный свет. Вера шла к остановке, чувствуя в сумке вес ключа и двух копий, а рядом с ней Артём впервые не пытался сократить расстояние.

Мать жила на другом конце города, в доме с облупившимися балконами и узкими окнами, где даже в ясную погоду комнаты казались сумрачными. Вера поднялась на третий этаж, не пользуясь лифтом. Лестница пахла варёной капустой, сырой штукатуркой и чьим-то дешёвым табаком. Артём остался у подъезда.

Она сама попросила его не идти следом.

Елена Павловна открыла после второго звонка. На ней был серый свитер, волосы собраны на затылке, а в пальцах — чайная ложка. Мать посмотрела сначала на Веру, потом на её сумку.

— Ты рано.

— У меня есть вопросы.

— Это я поняла.

Она отступила, пропуская дочь в прихожую. На тумбе лежала раскрытая газета, рядом — очки и коробка с таблетками. Всё выглядело так, будто Елена Павловна ждала обычного визита и заранее приготовила для него спокойное лицо.

Вера сняла пальто, но не перчатки.

— Ты знала о деле Лазаревой?

Мать поставила ложку в блюдо.

— О каком именно?

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я уточняю.

— Старое обращение. Девяносто восьмой год. Лидия Лазарева просила архив проверить сведения о человеке, которого вывезли из Янтарного Берега. В журнале доступа стоит твоя подпись. Возврат оформлен тоже твоей подписью, но печать не совпадает с той, что использовали в тот месяц.

Елена Павловна медленно села на край стула.

— Ты ходила в архив.

— Да.

— С Артёмом?

— Да.

— Он знает, что ты нашла?

— Он был рядом.

Мать отвела взгляд к окну. За стеклом висели провода, на которых после дождя собирались капли. Внизу дворник толкал по асфальту мокрые листья, и они цеплялись за щётку, не желая сдвигаться.

— Я получила доступ, — сказала Елена Павловна. — Это правда.

— Зачем?

— Тогда я работала с поступлениями и сверкой старых дел. Лазарева пришла ко мне через архивную канцелярию. Она принесла копию обращения и попросила посмотреть, не проходил ли через фонд человек с такой фамилией.

— Ты знала, кого она ищет?

— Знала только фамилию. Илья Воронцов.

Имя легло между ними тяжело и окончательно. Вера не записывала его: оно уже было в деле, в словах Лидии, в тех строчках, которые она перечитывала утром. Но услышать его от матери оказалось иначе. Будто закрытая дверь в семейном доме вдруг открылась сама.

— Ты видела дело?

— Не целиком.

— Что значит «не целиком»?

— Мне выдали папку. В ней не было основного журнала передачи и листа с приложениями. Только карточка, два сопроводительных письма и отметка о направлении в городской комитет.

— Лазарева сказала, что получила отказ.

— Ей не дали отказ.

— А что дали?

Елена Павловна сжала ладони.

— Обещание проверить.

— Чьё?

— Моё.

Вера почувствовала, как внутри поднимается холодная, почти ясная ярость.

— Ты обещала найти Илью?

— Я обещала выяснить, что с ним произошло.

— И использовала её согласие на проверку, чтобы получить доступ к закрытой части фонда?

— У меня был служебный допуск.

— Это не ответ.

Мать подняла глаза.

— Лидия подписала согласие на поиск. Я предъявила его как основание для работы. Ничего незаконного в этом не было.

— А изъятие письма?

Елена Павловна замолчала.

Вера не отвела взгляда.

— Я знаю, что письмо проходило через твои руки. В журнале есть отметка. Подпись настоящая.

— Письмо я не изымала.

— Тогда где оно было?

— В папке.

— А потом?

— Потом его забрали.

— Кто?

Мать потёрла большим пальцем край чайного блюдца. На белой керамике осталась тонкая коричневая полоса.

— Я не знаю.

— Ты видела, кто забрал?

— Видела человека, который пришёл за папкой.

— Фамилия?

— Не назову, — ответила Елена Павловна, так и не подняв глаз.

— Ты ведь помнишь, кто приходил за письмом? — спросила Вера. — Помнишь, что обещала Лазаревой проверить бумаги?

— Помню. И его лицо, и фамилию помню. Даже спустя двадцать семь лет.

— Тогда почему ты молчишь? — Вера ещё надеялась, что ослышалась.

Вера медленно выпрямилась.

— Почему?

Мать закрыла глаза. На несколько секунд в комнате остались только шум труб и глухое урчание автобуса за окном.

— Потому что я дала слово.

— Кому?

— Твоему отцу.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Вера не сразу поняла его смысл.

— Отец был связан с архивом?

— Не с архивом. С человеком, который тогда отвечал за передачу дел.

— Как его звали?

— Не спрашивай так, будто имя всё изменит.

— Оно изменит хотя бы то, что я буду знать, кому ты хранила верность вместо правды.

Елена Павловна вздрогнула.

— Я хранила не верность. Я пыталась сохранить семью.

— От чего?

— От того, что уже случилось.

Вера встала. Стул тихо скрипнул по линолеуму.

— Это не объяснение.

— Другого у меня нет.

— Есть. Просто ты не хочешь его произнести.

Мать посмотрела на неё с усталостью, которую Вера раньше принимала за холодность.

— Твой отец взял папку не для себя. Он должен был передать её человеку из комитета.

Потом сказал, что дело закрыто и Лазаревой нельзя ничего обещать. Я не послушалась. Я оставила у себя копию одного листа и попросила его вернуть письмо.

— Он вернул?

— Нет.

— А ты продолжила молчать.

— Да.

— Почему?

— Потому что он сказал, что если я пойду в канцелярию, тебя заберут к бабушке. Что у нас не будет квартиры. Что всё закончится хуже, чем началось.

— Мне было шестнадцать, — сказала Вера.

— Я знаю.

— И ты решила за всех.

— Я решила за ребёнка.

— Нет. Ты решила, что ребёнок не имеет права знать, почему взрослые исчезают из его жизни.

Мать побледнела. Вера заметила, как та машинально нащупала под воротом тонкую цепочку. На цепочке висел маленький металлический медальон — обычный, потёртый, с царапиной у края.

— Я не знала, что письмо связано с твоей семьёй, — сказала Елена Павловна.

— А теперь знаешь?

— Теперь понимаю, почему его спрятали.

— Кто спрятал?

— Не я.

— Но ты помогла.

Мать не стала спорить.

Это молчание было признанием, хотя и не тем, которого Вера ждала.

Она достала телефон и открыла фотографию страницы журнала.

— Посмотри на номер печати.

Елена Павловна наклонилась. Её лицо изменилось почти незаметно: дрогнула щека, взгляд остановился на цифрах.

— Эту печать заменили после пожара в хранилище.

— В каком году?

- В девяносто девятом.
- А возврат оформлен в девяносто восьмом.
- Значит, запись внесли позднее.
- Кто имел право вносить исправления?
- Начальник отдела и заведующая фондом.
- Ты была заведующей?
- Нет.
- Тогда почему подпись твоя?

Мать провела пальцем по экрану, не касаясь стекла.

- Потому что я подписывала не возврат.
- Что именно?
- Акт временной передачи.

Вера почувствовала, как в голове соединяются две линии, до этого расходившиеся. Лазарева получила обещание проверки. Папку передали другому человеку. Возврат оформили задним числом, используя настоящую подпись Елены Павловны, но чужую печать.

- Ты подписала передачу, не зная, кому отдаёшь документы?
- Я знала.
- Кому?

Мать поднялась и подошла к шкафу. Из верхнего ящика достала плоскую картонную коробку, перевязанную бечёвкой. Пальцы у неё дрожали, когда она развязывала узел.

Внутри лежал лист в прозрачном файле. Бумага пожелтела по краям, но чернила сохранились. Вера узнала архивный бланк по синей полосе и косой нумерации.

- Это копия акта, — сказала Елена Павловна. — Оригинал забрали вместе с папкой.
- Вера взяла лист.

В графе получателя стояла фамилия: Мельник.

Она перечитала строку дважды.

- Артём?
- Нет. Его отец.

Мать сказала это тихо, будто имя всё-таки могло изменить прошлое.

Под фамилией стояла должность — сотрудник городского комитета по охране архивных фондов. Ниже — дата, номер дела и перечень переданных материалов. Среди них значилось: «письмо без обратного адреса, одно; приложение к обращению Лазаревой, одно».

Вера почувствовала, как бумага становится тяжелее.

- Ты знала, что отец Артёма забрал письмо?
- Я знала, кому передала папку.
- А Артём знает?
- Не знаю.
- Ты никогда ему не говорила?
- Нет.
- Почему?

Елена Павловна посмотрела на дочь.

- Потому что обещала твоему отцу молчать.

Вера положила акт на стол.

- Обещание не даёт права распоряжаться чужой жизнью.
- Я понимаю это сейчас.
- Сейчас слишком поздно.
- Да.

Вера сфотографировала документ с двух сторон. Потом убрала телефон и несколько секунд стояла, не двигаясь.

— Копия останется у тебя?

— Да.

— Если понадобится её забрать, я возьму её только с распиской.

— Ты думаешь, я стану скрывать её теперь?

— Я думаю, что доверие не возникает из-за того, что человек наконец открыл ящик.

Мать кивнула.

— Напиши, что сфотографировала копию и что она хранится у меня.

Вера достала блокнот. Елена Павловна поставила дату, фамилию и подпись. Рука её дрожала, но буквы оставались разборчивыми.

Когда Вера вышла из квартиры, Артём стоял у подъезда под козырьком и смотрел на мокрый двор. Он сразу понял по её лицу, что разговор не закончился обычным признанием.

— Что случилось?

Вера протянула ему телефон с фотографией акта.

Артём прочитал строку, затем поднял глаза.

— Мой отец.

— Да.

— Я не знал.

— Теперь знаешь.

Он долго молчал. Вера видела, как в нём борются желание отступить и обязанность остаться.

— Я могу не идти дальше, — сказал он.

— Можешь.

— Но тогда это будет ещё одна форма молчания.

— Да.

Артём вернул телефон.

— Теперь к ящику номер семь?

— Да, в старый корпус архива. На нижний уровень.

— Ключ у тебя?

Вера сжала в кармане латунь.

— У меня.

— Тогда пойдём. Но запись в журнале — до открытия.

— Я помню.

Они направились к остановке. Вера шла рядом, не приближаясь к Артёму, но и не оставляя его позади. Теперь между ними было не только дело Лазаревой и не только его собственная ошибка. Между ними лежала фамилия, которую оба получили от родителей и которую никто из них не выбирал.

До архива они добрались пешком. Автобус ушёл перед самым их носом, брызнув на бордюр мутной водой, и Вера не стала ждать следующего. После разговора с матерью ей требовалось движение — не для того, чтобы успокоиться, а чтобы не позволить чужим словам занять в голове место доказательств.

Янтарный Берег к вечеру становился плоским и серым. Вода в канавках вдоль улицы отражала вывески, провода и редкие окна, в которых уже зажигали свет. На перекрёстке у булочной Вера остановилась, достала блокнот и записала время.

— Что ты пишешь? — спросил Артём.

— Время, когда мы остановились у булочной по дороге в старый корпус.

— Мы ещё не вошли.

— Верно. Отдельно отмечу время, когда войдём.

Он кивнул. Спорить не стал. Его молчание не было прежним — тогда он скрывал сведения, рассчитывая переждать неудобный вопрос. Теперь молчание стало способом не мешать ей работать, и Вера не знала, что хуже: заметить эту перемену или признать, что она её ждала.

Старый корпус архива стоял за бывшим трамвайным депо, в глубине короткого переулка. Днём сюда привозили коробки из городских учреждений, но после шести ворота закрывались. На боковой двери сохранилась жестяная табличка с выцветшей надписью: «Вход только для сотрудников». Под ней кто-то прикрепил новую, пластиковую: «По предварительной записи».

Вера достала телефон и позвонила дежурному.

— Добрый вечер. Бережная, архивный отдел. Я пришла проверить ящик семь по акту выдачи материалов. С Мельником.

На другом конце помолчали.

— Сейчас?

— Сейчас.

— У вас распоряжение?

— У меня ключ и основание для служебной проверки. Запись внесу до открытия.

— Бережная, вы понимаете, который час?

— Понимаю. Поэтому и звоню, а не вхожу без уведомления.

Через минуту в двери щёлкнул замок. На пороге появился худой мужчина в ватнике, с фонариком на лбу и связкой ключей в руке.

— Я вас введу до нижнего уровня, — сказал он. — Но если это не срочно, утром было бы проще.

— Срочно не значит без правил.

— Вы дочь Елены Павловны?

Вера посмотрела на него внимательнее.

— Да.

— Ясно.

Он не пояснил, что именно ему стало ясно, и отошёл в сторону. В журнале посетителей Вера написала дату, время, фамилию, основание доступа и номер ящика. В графе «сопровождающий» указала имя дежурного. Артём расписался рядом.

Мужчина прочитал запись, нахмурился.

— Мельник — это родственник того Мельника?

— Сын, — ответил Артём.

— Тогда странно, что вы вместе.

— Странно не то, что мы вместе, — сказала Вера. — Странно, что его отец получил материалы, а в деле не осталось объяснения, зачем.

Дежурный отвёл взгляд.

— Я такими делами не занимаюсь.

— Но журнал храните вы?

— Храним мы.

— Тогда вы занимаетесь журналом.

Он вздохнул, достал ещё один ключ и повёл их вниз.

Лестница пахла сыростью, каменной пылью и старой бумагой. Лампочки под потолком загорались с задержкой, одна за другой, оставляя позади тёмные пролёты. Артём шёл первым, придерживая дверь на площадках. Вера заметила, что он каждый раз ждал её, не касаясь локтя и не подгоняя.

На нижнем уровне коридор уходил в две стороны. Справа тянулись металлические стеллажи с инвентарными коробами, слева стояли шкафы с узкими выдвижными ящиками. Номер семь оказался в дальнем ряду, почти у стены.

Замок поддался не сразу. Латунный ключ повернулся с сухим щелчком.

— Открытие фиксируем на видео? — спросил Артём.

— Да.

Вера включила камеру телефона и положила его на край стеллажа так, чтобы в кадр попали номер ящика, лица и руки. Потом достала перчатки. Артём надел свои.

Внутри лежали три папки, свернутый план улицы и небольшая жестяная коробка из-под мятных леденцов. Коробка была самая обычная: зелёная, с облупившимся рисунком листьев. Вера не стала трогать её первой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.